

МАГИСТЕРСКІЕ ДИСПУТЫ.

Въ послѣднихъ числахъ минувшаго января въ Московской академіи состоялось два магистерскихъ диспута-коллоквиума.—Въ полдень 25-го числа, въ большой академической аудиторіи выступилъ въ качествѣ магистранта преподаватель Псковской духовной семинаріи Михайль Михайловичъ Тарѣевъ. Прочитанный помощникомъ секретаря Совѣта академіи Н. Д. Всѣхсвятскимъ „*curriculum vitae*“ сообщилъ собранію, что магистрантъ — сынъ священника Рязанской губерніи, Михайловскаго уѣзда, села Козловскихъ Выселокъ, получилъ предварительное образованіе въ Рязанской семинаріи и затѣмъ посланъ былъ на казенный счетъ въ Московскую духовную Академію. По окончаніи академическаго курса въ 1891-мъ году, Г. Тарѣевъ удостоенъ былъ Совѣтомъ академіи ученой степени кандидата богословія съ предоставленіемъ ему права на полученіе степени магистра безъ новаго устнаго испытанія, если представитъ удовлетворительную диссертацию и защититъ ее установленнымъ порядкомъ. Какъ одинъ изъ лучшихъ студентовъ своего выпуска, Г. Тарѣевъ оставленъ былъ на одинъ годъ при академіи въ качествѣ профессорскаго стипендіата. По истеченіи года, за неимѣніемъ въ академіи вакантной каѳедры, приказомъ Г. и. д. Оберъ-Прокурора Св. Синода отъ 8 сент. 1892 г., онъ былъ опредѣленъ преподавателемъ по Гомилетикѣ и соединеннымъ съ нею предметамъ въ Псковскую духовную семинарію, на каковой должности состоитъ и доселѣ. — Въ журналѣ „Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“, за 1892-й

годъ №№ 1, 2, 3—4, 5, 6 и 8, Г. Тарѣевъ напечаталъ свое изслѣдованіе подъ заглавіемъ: „Искушенія Богочеловѣка, какъ единый искупительный подвигъ всей земной жизни Христа, въ связи съ исторією дохристіанскихъ религій и христіанской церкви“. Это изслѣдованіе, изданное особою книгой, одобрено Совѣтомъ академіи въ качествѣ магистерской диссертациі и допущено къ защитѣ. -- Возраженіямъ оппонентовъ предшествовала пространная рѣчь магистранта, въ которой онъ своими разъясненіями старался предотвратить возможность какихъ-либо недоразумѣній, какъ относительно нѣкоторыхъ существенныхъ сторонъ его изслѣдованія, такъ и формы его изложенія.

Первымъ офф. оппонентомъ Г. Тарѣеву былъ о. ректоръ академіи, арх. Антоній. Своимъ замѣчаніямъ онъ предпослалъ нѣсколько лестныхъ для автора отзывовъ о содержаніи и характерѣ его труда. По словамъ оппонента, книга Г. Тарѣева представляетъ собою такое явленіе, какія встрѣчаются не часто. Большею частію ученые работы совсѣмъ не выражаютъ всего содержанія души ихъ автора; диспутантъ-же въ своей книгѣ выяснилъ самую основу своего міровоззрѣнія и распространяетъ ее на всѣ области знанія и жизни. Благодаря такому свойству его труда онъ всюду можетъ вызвать возраженія; но они не могутъ умалить его достоинствъ. Видно, что авторъ пишетъ не для степени только, но излагаетъ, можно сказать, исповѣдь души, интересовавшейся разными областями знанія и достигшей серьезныхъ моральныхъ интуицій. Многія мѣста книги автора производятъ на читателя сильное впечатлѣніе, когда напр.: онъ выясняетъ сущность грѣха, не какъ слабости только, а какъ чего-то соединеннаго со враждою противъ Бога и съ упорнымъ самооправданіемъ, или когда онъ развиваетъ ту мысль, что оправданіе не просто освобождаетъ человѣка отъ виновности, а дѣлаетъ его повою тварью; когда онъ указываетъ ту громадную нравственную разность, какая существуетъ между христіаниномъ и язычникомъ, не смотря на малое видимое различіе въ ихъ внѣшнемъ поведеніи; когда изъ исторіи религій и культуры онъ выясняетъ великое значеніе нравственныхъ и религіозныхъ вопросовъ, при чемъ богословіе является ключемъ для всякаго знанія и исторіи. Есть въ книгѣ не мало мѣстъ, имѣющихъ вы-

сокую дѣйность и съ точки зрѣнія догматической или экзегетической.

Переходя затѣмъ къ своимъ критическимъ замѣчаніямъ, оппонентъ прежде всего поставилъ автору на видъ, что у него часто высказываются такія мысли, которыя въ умѣ читателя могутъ вызвать недоумѣніе, ибо представляютъ собою заключеніе того силлогизма, первый членъ котораго авторъ не высказываетъ. Подобныя мысли необходимо требовали-бы надлежащаго разъясненія. Требуется напр. разъясненія принятое авторомъ различіе искушеній религіозныхъ и нравственныхъ, какъ различіе и новое, и условное, и не понятное. По мысли автора, нравственныя искушенія всегда вызываються похотью. Эта мысль была-бы понятна, если-бы все противо-нравственное у него отождествлялось съ чувственнымъ, но такого отождествленія онъ не допускаетъ, указывая въ числѣ источниковъ нравственныхъ искушеній и „гордость житейскую“, которая чѣмъ-либо чувственнымъ названа быть не можетъ. Эта-то гордость житейская ничѣмъ не отличается отъ того, что авторъ разумѣетъ подъ „искушеніемъ религіознымъ“, такъ какъ и оно предполагаетъ присущее искушаемому самолюбіе.

Искушенія религіозныя авторъ относитъ въ область разума. признавая это ученіемъ отеческимъ и ссылаясь на свидѣтельства Григорія Нисскаго и Григорія Богослова. По этому поводу оппонентъ замѣтилъ, что въ указанныхъ свидѣтельствахъ отцы противуполагаютъ разумъ тѣлу, радуя, какъ Григорій Нисскій, противъ еретиковъ, отвергавшихъ у Христа человѣческую душу, и подъ этимъ понятіемъ разумѣютъ вообще духъ человѣческой, въ противуположность тѣлу, какъ совокупность высшихъ силъ души, обнимающую собою и совѣсть, и рассудокъ, и волю. Авторъ-же, хотя въ началѣ своего труда и высказываетъ, что разумъ есть высшая способность, которая обнимаетъ и дѣятельность, въ частностяхъ не выдерживаетъ этого взгляда и часто придаетъ разуму значеніе способности исключительно теоретической. Отсюда религія у него является только богословствованіемъ и философствованіемъ и весь религіозный процессъ представляется процессомъ теоретическимъ.

По поводу мысли автора, что уничиженному Христу вполнѣ „естественно“ и желательно было проявить Свое Божество

во всей силѣ, оппонентъ доказывалъ, что въ этомъ случаѣ Христу несознательно приписывается почти то самолюбіе, которое свойственно лишь падшему существу, но не Богу.— Не находилъ оппонентъ возможнымъ согласиться и съ тою мыслию автора, чтобы безусловное Божественное начало въ человѣкѣ могло служить источникомъ какой-то зависти къ Богу и побуждало къ искушенію.

Указавъ нѣсколько примѣровъ, гдѣ диспутантъ допустилъ въ своей книгѣ иногда произвольныя и неправильныя толкованія библейскаго текста (напр. на стр. 11, 22 и др.), оппонентъ заключилъ свою бесѣду выраженіемъ сочувствія относительно нѣкоторыхъ страницъ книги, гдѣ и въ экзегетическомъ отношеніи встрѣчаются мѣста весьма удачныя и глубокія по мысли.

Второй изъ оффиціальныхъ оппонентовъ, доцентъ М. Д. Мурстовъ, началъ свою бесѣду указаніемъ на ту особенность книги Г. Тарѣева, что она можетъ вызвать очень много возраженій и съ самыхъ различныхъ сторонъ. Такая особенность представляетъ впрочемъ собою своего рода достоинство, ибо свидѣтельствуетъ о широтѣ предмета и самостоятельности работы; но оппонентъ, имѣвшій уже случай критически отнестись къ существеннымъ сторонамъ изслѣдованія въ двухъ своихъ отзывахъ, представленныхъ совѣту (особенно въ отзывѣ о кандидатскомъ сочиненіи), въ настоящемъ случаѣ пожелалъ ограничиться лишь нѣсколькими мелкими замѣчаніями.

Тема, надъ которою пришлось работать Г. Тарѣеву, имѣла, по словамъ оппонента, свою исторію. Блаженной памяти Преосв. Михаилъ, въ бытность свою профессоромъ Московской академіи, своими лекціями объ искушеніяхъ Христа производилъ на слушателей сильное впечатлѣніе. Когда онъ излагалъ теорію Ульманна, что безгрѣшный Богочеловѣкъ искушаться не можетъ и что искушеніе имѣло лишь внѣшній характеръ, изложеніе это казалось настолько убѣдительнымъ, что согласиться съ нимъ, повидимому, было неизбѣжно. Но затѣмъ слѣдовало изложеніе теоріи Гофманна, совершенно-противуположнаго свойства, о необходимости дѣйствительнаго и внутренняго искушенія для Испытателя,—и настолько убѣдительное, что составившееся въ умѣ слушателя представленіе о предметѣ должно было по-

терпѣть рѣшительное превращеніе. Слушая Преосв. Михаила, оппонентъ тогда-же глубоко заинтересовался вопросомъ, но не былъ въ состояніи утвердиться на какомъ-либо опредѣленномъ его рѣшеніи; для него ясенъ былъ лишь выводъ отрицательнаго свойства, т. е. что въ области нравственной казуистики вопросъ этотъ разрѣшенъ быть не можетъ, — но какимъ образомъ можно разрѣшить его — это оставалось не яснымъ. Замѣтивъ въ послѣдствіи кафедру Пр. Михаила, оппонентъ почти каждый годъ давалъ студентамъ работы по вопросу объ искушеніяхъ Христа. Многіе изъ нихъ занимались этимъ вопросомъ и мало по малу отчасти проясняли его. Наконецъ уже серьезно взялся за этотъ вопросъ Г. Тарѣевъ въ кандидатской и магистерской диссертацияхъ. Постановка и возможное разъясненіе вопроса объ искушеніяхъ является такимъ образомъ результатомъ труда Преосв. Михаила и коллективнаго творчества, продолжавшагося цѣлые годы.

Указавъ автору на его склонность думать, что уничтоженіе и смерть въ природѣ вообще были слѣдствіемъ грѣха, оппонентъ, по этому поводу, замѣтилъ, что Адамъ напр. и до грѣхопаденія питался, пилъ воду, дышалъ воздухомъ и т. д., т. е. поглощалъ и уничтожалъ при этомъ массу живыхъ существъ, а слѣдовательно уничтоженіе и смерть имѣли мѣсто въ природѣ и до грѣхопаденія. Не придавая этому и подобнымъ замѣчаніямъ существеннаго значенія, оппонентъ представляетъ ихъ лишь какъ образецъ того, что книга Г. Тарѣева можетъ вызвать нападки съ самыхъ различныхъ сторонъ и что при обсужденіи нѣкоторыхъ, возбуждаемыхъ имъ, вопросовъ не слѣдовало забывать, что существуетъ напр. микроскопъ, и добытые имъ результаты изслѣдованія необходимо принимать во вниманіе.

Оппонентъ указалъ далѣе на нѣкоторые вопросы, совершенно не затронутые въ изслѣдованіи Г. Тарѣева, а между тѣмъ, эти вопросы имѣютъ, по его мнѣнію, существенное значеніе. Почему напр. прародители тотчасъ-же послѣ грѣхопаденія, когда они обладали еще яснымъ сознаниемъ утраченнаго блаженства и условій этого блаженства, были менѣе способны къ возрожденію, чѣмъ люди эпохи Новаго Завѣта, и почему искупленіе человѣка воплотившимся Сыномъ Божіимъ требовало продолжительной исторіи дохри-

стіанскаго домостроительства Божія? — Говоря о „мірѣ“ вообще (стр. 23) или о „всѣхъ тварныхъ существахъ“ (стр. 244), авторъ совсѣмъ опускаетъ изъ вида ангеловъ, чѣмъ можетъ подать поводъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ.

Послѣ нѣсколькихъ другихъ частныхъ замѣчаній, оппонентъ заключилъ свою бесѣду небольшимъ упрекомъ автору за то, что онъ, на 420 стр., неосмотрительно позволилъ себѣ укорить покойнаго Пресв. Михаила, которому многимъ обязана Московская Духовная Академія, — и притомъ не на основаніи самоличнаго дознанія дѣла, а положившись въ этомъ случаѣ на чужія слова, справедливыя лишь на половину, т. е. не имѣя подъ собою твердыхъ основаній.

Въ качествѣ частнаго оппонента сдѣлалъ Г. Тарѣеву нѣсколько замѣчаній доцентъ А. Д. Бѣляевъ. Онъ не находилъ возможнымъ согласиться съ выраженнымъ въ книгѣ автора воззрѣніемъ, что языческія жертвы служили обнаруженіемъ самооправданія. Въ частности, ссылаясь на разсказъ Геродота, онъ показалъ, что поклонницы Ашеры совсѣмъ не „предавались всѣмъ мерзостямъ отвратительнаго, разнузданнаго разврата“. Онъ не соглашался, далѣе, съ утвержденіемъ автора относительно прогресса и постепеннаго развитія языческихъ религій, указывая, что нѣкоторыя изъ этихъ религій, какъ Индусская напр., не усовершенствовались при своемъ развитіи, а напротивъ ухудшались. Онъ указалъ на допущенную Г. Тарѣевымъ неточность въ томъ, что Ведійскій періодъ въ его изслѣдованіи поставляется послѣ Браманскаго; замѣтилъ автору, далѣе, что характеристика фетишизма основана у него на слишкомъ недостаточномъ количествѣ примѣровъ, избранныхъ притомъ не особенно удачно, и указалъ наконецъ на то обстоятельство, что авторъ не различаетъ шаманизма отъ анимизма и о послѣднемъ совсѣмъ не упоминаетъ.

Диспутъ заключился объяснительнымъ замѣчаніемъ профессора Д. Θ. Голубинскаго, который, обративъ вниманіе слушателей на высказанную прежде М. Д. Муретовымъ мысль о поглощеніи инфузорій при питаніи и дыханіи нашихъ прародителей, выразилъ предположеніе, что можетъ быть, въ этомъ случаѣ къ устраненію недоумѣнія послужить признаніе въ богословіи положеніе, что съ грѣхопаденіемъ

въ природѣ произошла громадная перемѣна; многія изъ животныхъ стали напр. плотоядными, тогда какъ первоначально растенія даны были въ пищу всеѣмъ живущимъ, (Быт. I, 29, 30) и т. п. Возможно потому предположить, что инфузорій, какъ и другихъ вредныхъ для человѣка насѣкомыхъ, до грѣхопаденія не было совсѣмъ.

На многія изъ предложенныхъ оппонентами замѣчаній диспутантъ давалъ отвѣты, обнаружившіе въ немъ достаточную эрудицію и находчивость, а потому ректоръ Академіи, по сборѣ голосовъ, заявилъ, что его защита признана удовлетворительною и Совѣтъ будетъ ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи Г. Тарѣева въ ученой степени магистра богословія.

Въ воскресенье, 31-го января, въ шесть часовъ вечера, въ той-же большой академической аудиторіи состоялся магистерскій диспутъ преподавателя Виенской духовной семинаріи Николая Ивановича Виноградова. Предъ началомъ диспута секретарь Совѣта Академіи М. К. Казанскій въ обычномъ біографическомъ очеркѣ сообщилъ собранію, что магистрантъ — сынъ діакона Московскаго Пикитскаго дѣвичьяго монастыря, по окончаніи курса въ Московской духовной семинаріи въ 1872 г. посланъ былъ семинарскимъ начальствомъ на казенный счетъ для продолженія богословскаго образованія въ Московскую Академію, гдѣ, въ 1876 г., окончилъ курсъ наукъ по существовавшему въ то время богословскому отдѣленію со степенію кандидата богословія и съ предоставленіемъ ему права на полученіе степени магистра безъ новаго устнаго испытанія, если представить удовлетворительную диссертацию и защититъ ее установленнымъ порядкомъ. Служебную дѣятельность свою Г. Виноградовъ началъ въ августѣ 1876-го года въ качествѣ преподавателя Греческаго языка въ Нижегородской духовной семинаріи, гдѣ затѣмъ преподавалъ еще Еврейскій языкъ и Священное Писаніе Ветхаго и Новаго Завѣта. Въ мартѣ 1884 г. онъ занялъ мѣсто учителя Греческаго языка въ Московскомъ Перервинскомъ духовномъ училищѣ, а въ 1888 г. перемѣщенъ на тотъ-же предметъ въ Виенскую семинарію, гдѣ состоитъ и доселѣ. — Дѣятельность литературную Г. Виноградовъ началъ еще будучи студентомъ академіи, помѣстивъ въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ въ 1876 г.

замѣтку о бібліотекѣ покойнаго ректора академіи, Протоіерея А. В. Горскаго. Затѣмъ въ разное время имъ напечатаны слѣдующія произведенія: 1) „О конечныхъ судьбахъ міра и человѣка“. Это сочиненіе вышло уже вторымъ изданіемъ и одобрено учебнымъ комитетомъ при Св. Синодѣ для приобрѣтенія въ бібліотеки духовныхъ семинарій. 2) Церковныя поученія на Царскіе и Высочоторжественные дни. 3) Переводы: Демосоена Вторая и третья рѣчь противъ Филиппа Македонскаго, 4) Демосоена. Рѣчь о вѣнкѣ. 5) Лахесь. Діалогъ Платона о мужествѣ со статьею о гимнастикѣ Грековъ, 6) Федонъ. Діалогъ Платона объ идеѣ безсмертія съ предисловіемъ, обзорніемъ содержанія діалога и примѣчаніями, 7) Канонъ на Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы. 8) Нагорная проповѣдь Спасителя. Вып. 1 и 2-й, 9) Критическіе очерки статей: Н. А. Заозерскаго „о гражданскомъ бракѣ“, 10) Свящ. П. Я. Свѣтлова „что будетъ съ землею“ и 11) Н. П. Глубоковскаго „Преображеніе Господне“. 12) Критико-бібліографическій этюдъ. Отвѣтъ Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева Президенту Швейцарскаго Евангелическаго союза Эрнесту Навиллю; возраженіе пастора Германа Дальтона и сужденія Г. А. Копылова по поводу того и другаго. 13) Кромѣ того, Г. Виноградовъ напечаталъ нѣсколько разнаго рода мелкихъ статей и сообщеній на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей“, „Современныхъ Извѣстій“ и „Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей“. 14) Наконецъ имъ-же написана книга подъ заглавіемъ: „Притчи Господа нашего Іисуса Христа“. Москва 1892 г. Это послѣднее произведеніе представлено авторомъ въ Московскую Духовную Академію въ качествѣ диссертации на соисканіе ученой степени магистра богословія и, по одобреніи совѣтомъ, допущено къ защитѣ.

Послѣ вступительной рѣчи магистранта ¹⁾, началась ученая бесѣда, при чемъ официальными оппонентами были: экстр. профессоръ по кафедрѣ библейской исторіи А. П. Смирновъ и доцентъ по кафедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта М. Д. Муретовъ. Проф. А. П. Смирновъ прежде всего указалъ на то впечатлѣніе, которое читатель невольно выноситъ изъ книги диспутанта, а именно, что книга эта,

1) Рѣчь эта помѣщена въ настоящей книгѣ Богословскаго Вѣстника.

въ своемъ настоящемъ цѣльномъ видѣ имѣеть совершенно случайное происхожденіе. Когда авторъ писалъ первый отдѣлъ своего труда и даже второй и часть третьяго, онъ едва-ли воображалъ себѣ, что въ концѣ концовъ у него получится та книга, которую ему придется защищать въ качествѣ магистерской диссертациі. Что самъ авторъ не предполагалъ сперва въ своемъ трудѣ магистерской диссертациі это, по словамъ оппонента, видно изъ того, что тѣ руководства и пособія, о которыхъ авторъ говоритъ въ своемъ предисловіи, очень мало оказывали вліянія на его работу въ ея первой половинѣ и въ ней, напротивъ, появляются иногда такія цитаты, которымъ, повидимому, совсемъ не мѣсто въ ученomъ изслѣдованіи, какъ напр.: ссылка на Мартенсена по фельетону Московскихъ Вѣдомостей. Первоначально авторъ, какъ кажется, не думалъ заходить въ своемъ изслѣдованіи далѣе того, что теперь составляетъ его первый отдѣлъ, ибо въ концѣ этого отдѣла даже имѣется особое заключеніе. Только съ теченіемъ времени вниманіе автора къ предмету работы усиливается, пособія становятся разнообразнѣе и самое изслѣдованіе ведется глубже и серьезнѣе.

Въ отвѣтъ на замѣчаніе оппонента диспутантъ заявилъ, что дѣйствительно онъ началъ писать свое изслѣдованіе, не имѣя въ виду полученія магистерской степени и представилъ его потомъ на разсмотрѣніе совѣта основываясь на томъ параграфѣ „положенія объ испытаніяхъ на ученыя степені“, въ которомъ говорится, что диссертацию можетъ замѣнить всякаго рода самостоятельное ученое сочиненіе по одной изъ богословскихъ наукъ, хотя бы написанное и не съ цѣлю полученія ученой степени. Что касается, въ частности, его ссылки на Мартенсена по фельетону Москов. Вѣд., то въ свое оправданіе диспутантъ указалъ на то обстоятельство, что труда Мартенсена не было у него подъ руками, а фельетоны серьезныхъ газетъ часто имѣютъ вполне научный характеръ.

Случайное происхожденіе книги Г. Виноградова въ ея настоящемъ цѣльномъ видѣ, продолжалъ оппонентъ, имѣло своимъ послѣдствіемъ то, невыгодное для нея, обстоятельство, что въ ней совершенно не выдержано единство тона. Первый выпускъ книги написанъ такъ, что его прочтеть и пой-

метъ всякій простой начетчикъ, любящій почитать отъ „божественнаго“; но если этотъ читатель примется за четвертый выпускъ, онъ непременно долженъ будетъ сказать: „это не при мнѣ писано“. Люди съ богословскимъ образованіемъ скажутъ, что въ первомъ выпускѣ слишкомъ мало научнаго, а читатели безъ широкихъ запросовъ, натолкнувшись въ четвертомъ выпускѣ на разныя филологическія разысканія въ греческомъ подлинникѣ (какъ напр. на стр. 76 и 77), могутъ съ недоумѣніемъ спросить; „къ чему все это?“ Въ первомъ отдѣлѣ книги иностранныя цитаты почти совсѣмъ отсутствуютъ, а въ послѣднемъ встрѣчаются уже ссылки на Штрауса, Ольсгаузена, Берсье, Мейера, Штира и др. Причина этого привлеченія новыхъ пособниковъ въ борьбѣ автора съ новыми противниками лежала не въ томъ, что послѣднія притчи, изъясненныя въ IV отд., служатъ предметомъ особеннаго разногласія въ средѣ изслѣдователей, ибо и по поводу первыхъ притчей самъ авторъ иногда вскользь упоминаетъ о множествѣ различныхъ толкованій (напр. стр. 28 отд. I); но въ томъ, что авторъ предварительно не представилъ себѣ ясно круга читателей своего истолковательнаго труда. Оттого онъ и ведетъ свое изслѣдованіе не въ одинаковомъ тонѣ, что производитъ на читателя не совсѣмъ благопріятное впечатлѣніе.

Что касается иностранныхъ цитатъ, то, по словамъ диспутанта, у него вообще было желаніе по возможности меньше пестрить ими свое изслѣдованіе. если-же въ послѣднемъ отдѣлѣ замѣчается сравнительно гораздо болѣе обращеній къ авторитету иностранныхъ изслѣдователей и къ разбору ихъ мнѣній, то въ нѣкоторое объясненіе этого явленія диспутантъ сослался на самый характеръ тѣхъ притчей, о которыхъ идетъ дѣло въ этой части изслѣдованія. Эти притчи произносились Господомъ среди представителей мысли, раввиновъ и вообще современной интеллигенціи, тогда какъ притчи галилейскія имѣли въ виду слушателей простыхъ, изъ среды народа. Сообразно съ этимъ и Самъ Господь къ народу говорилъ не совсѣмъ такъ, какъ Онъ говорилъ среди людей ученыхъ.

На 6-й стр. перваго отдѣла книги авторъ говорить: „Произнесены были притчи Христомъ Спасителемъ въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ“... „Основная мысль

всѣхъ этихъ притчей царствіе Божіе или Христово; но въ первыхъ притчахъ, произнесенныхъ на берегу живописнаго Галилейскаго озера, говорится, какъ и естественно, объ основаніи или началѣ Царства Христова въ мірѣ и объ отношеніи послѣдняго къ первому; во вторыхъ, свидѣтельствуется о препятствіяхъ утвержденію Царства Христова въ мірѣ и объ его спасительныхъ плодахъ для истинно вѣрующихъ; предметъ третьихъ послѣдняя стадія развитія Царства Христова до времени всемірнаго суда“. — „Сверхъ того въ ходѣ мыслей и содержанія отдѣльныхъ притчей преемственно отъ одной до другой замѣчается нѣкоторое развитіе предложеннаго въ притчахъ назиданія“... Такая, построенная авторомъ, схема притчей, по мнѣнію оппонента, не имѣетъ для себя основанія въ Евангеліи и не можетъ быть выдержана со всею строгостію. Утверждая постепенное развитіе предложеннаго въ притчахъ назиданія, диспутантъ какъ будто предполагаетъ, что Господь постоянно имѣлъ предъ собою одинъ и тотъ-же кругъ слушателей, которымъ постепенно и развивалъ свое ученіе, начиная съ элементовъ и восходя затѣмъ все выше и выше. Изъ свидѣтельствъ Евангелія можно, напротивъ, видѣть, что дѣло происходило далеко не такъ и притчи произносились Господомъ и предъ разными слушателями и по разнымъ совершенно случайнымъ поводамъ, (см. напр.: Луки V, 29, 36; XIV, 1.—11) такъ что имъ никакъ нельзя придавать характера постепеннаго развитія назиданія, какъ-бы въ формѣ какого-либо систематическаго курса. То распредѣленіе притчей по содержанію, какое авторъ устанавливаетъ въ связи съ хронологическимъ порядкомъ ихъ произнесенія, не можетъ быть выдержано со всею строгостію. Притчи эсхатологическія напр.: авторъ, соотвѣтственно своему дѣленію, относитъ къ послѣдному отдѣлу изслѣдованія; но тѣмъ не менѣе и въ первомъ отдѣлѣ, объясняя напр. вторую притчу, говоритъ о конечномъ раздѣленіи добрыхъ и злыхъ на послѣднемъ судѣ, т. е. придаетъ этой притчѣ значеніе эсхатологическое (стр. 18, 19).

Разсмотрѣніе притчей въ порядкѣ хронологическомъ представляетъ, по словамъ диспутанта, то удобство, что въ этомъ случаѣ многое можетъ быть уясняемо на основаніи прежде употребленныхъ образовъ; но этотъ порядокъ въ

то-же время показываетъ, что часто между двумя рядомъ стоящими притчами несомнѣнно существуетъ и внутреннее, логическое взаимоотношеніе. Принятое авторомъ раздѣленіе притчей, хотя и не можетъ быть строго выдержано, обнимаетъ ихъ всѣ и способствуетъ надлежащему выясненію ихъ взаимнаго отношенія. Если Господь и не имѣлъ предъ собою всегда однихъ и тѣхъ-же слушателей, то иногда Онъ очевидно имѣлъ въ виду поставить новую притчу въ связь съ прежнею, вспоминая прежде сказанное.

Проф. Смирновъ заключилъ свою бесѣду съ диспутантомъ нѣсколькими частными замѣчаніями, касающимися тѣхъ или другихъ подробностей въ изложеніи автора. Онъ указалъ напр.: на ту очевидную несообразность, которая заключается въ примѣчаніи автора на 83-й стр. IV-го отдѣла, что будто-бы талантъ, стоимость котораго простирается до 2,580 р. сер., представлялъ собою одну „звонкую золотую монету“ и т. д.

Доцентъ М. Д. Муретовъ началъ свою рѣчь замѣчаніемъ, что въ книгѣ диспутанта онъ не встрѣтилъ того характера, какой предполагалъ и желалъ-бы въ ней встрѣтить. По мнѣнію оппонента, притчи Господа можно было-бы прежде всего изслѣдовать съ археологической точки зрѣнія, для чего онѣ заключаютъ въ себѣ обильный матеріалъ. Но такъ какъ одною археологической стороною изслѣдованія православному богослову удовлетвориться, конечно, нельзя, то автору должна была предстоить другая задача—богословское толкованіе притчей или систематическое раскрытіе содержащагося въ нихъ ученія о Царствѣ Божіемъ и Церкви Христовой, — ученія, составляющаго предметъ нарочныхъ и обширныхъ изслѣдованій въ западной новѣйшей богословской наукѣ. При такой постановкѣ дѣла, оказалось-бы двѣ стороны изслѣдованія, внѣшняя и внутренняя, которыя авторъ и долженъ былъ бы раскрыть въ притчахъ. Если съ такими запросами читатель обратится къ книгѣ Г. Виноградова, то въ ней себѣ удовлетворенія не встрѣтитъ. Археологическая сторона изслѣдованія въ ней почти совсѣмъ отсутствуетъ, ибо такія замѣчанія какъ на стр. 63-й IV-го выпуска (о палочкахъ и чашечкахъ) авторъ дѣлаетъ весьма не часто. Также и богословско-систематическаго раскрытія ученія о Церкви Христовой и Царствѣ Божіемъ, по мнѣнію

оппонента, въ книгѣ Г. Виноградова не имѣется. Въ виду этого, трудъ диспутанта можно охарактеризовать лишь какъ нравственно-гомилетическій.

Соглашаясь съ такою характеристикой своего труда, диспутантъ призналъ, что подробное изслѣдованіе археологической стороны притчей онъ не поставлялъ своею задачей, что-же касается толкованія богословскаго, то, по его мнѣнію, оно развито въ его книгѣ съ достаточною силой, утверждаясь на свидѣтельствахъ отцевъ церкви, или разныхъ церковныхъ писателей, какъ напр. Митр. Филарета и др.

По поводу опредѣленія притчи, какъ „образной рѣчи, въ которой та или другая отвлеченная нравственная истина раскрывается наглядно въ формѣ разсказа“ (стр. 5, I отд.); оппонентъ замѣтилъ, что славяно-русскимъ словомъ „притча“ переводятся различные греческіе термины: *Παροιμία* и *Παραβολή*. Первый терминъ происходитъ отъ *Παρά* и *οἶμος* или *οἶμη*—путь, шествіе, *теченіе* или размѣръ, полоса, линія, пѣсня,—и соотвѣтственно этому толкуется двойко, смотря по значенію предлога *Παρά*, или такъ: что бываетъ при пути, при *стеченіи* народа, при сходѣ, припѣвѣ, присловіе, притчаніе, —или же такъ: что говорится оригинально, загадочно, т. е. *помимо пути* обычнаго, противъ шаблона, (см. Пассовъ по Росту, и др. Папе, Курціусъ, Вилькій-Гриммъ и др.) т. е. краткое и загадочное изреченіе или присловіе, въ каковомъ смыслѣ это слово и употребляется всегда въ Новомъ Завѣтѣ. (см. напр. 2 Петр. II, 22; ср. Иоан. X, 6; XVI, 25 и 29). А то, что составляетъ предметъ изслѣдованія въ книгѣ диспутанта, есть не *Παροιμίαι*, а *Παραβολαι*, какъ всегда эти рѣчи Господа называются въ первыхъ трехъ Евангеліяхъ, т. е. не краткія и загадочныя изреченія или присловія или афоризмы, въ каковомъ смыслѣ это названіе приличествуетъ напр. притчамъ Соломона, но „*параболы*“, сравненія, нравоучительныя повѣствованія о чемъ-либо и ихъ нравственное или иное какое-либо примѣненіе, (*παραβάλλειν*, перебросить, перевернуть, примѣнить, прибросить, приткнуть, приключить), хотя и *παραβολή* иногда имѣетъ у синоптиковъ значеніе пословицы или присловія (Лук. IV, 23). На эти замѣчанія диспутантъ заявилъ, что онъ придерживался общепринятаго и древне-славянскимъ переводомъ освященнаго словоупотребленія.

На стр. 8, I. в. авторъ указываетъ различіе между притчею и баснею, при чемъ говоритъ: „въ отношеніи къ ви́шней формѣ представленія между притчею и баснею замѣтно слѣдующее различіе: въ первой дѣйствующими бываютъ люди, въ послѣдней—неразумныя творенія и большею частію звѣри“. Оппонентъ находилъ, что это опредѣленіе неправильно, ибо всѣмъ извѣстно напр., что „Демьянова уха“ — басня, а между тѣмъ дѣйствующими въ ней являются люди.

На стр. 40-й, I. в. авторъ утверждаетъ, что именно архангелы Гавріиль и Михаилъ вмѣстѣ съ подчиненными имъ ангелами будутъ при кончинѣ вѣка отдѣлять злыхъ отъ праведныхъ. Такъ какъ это утверженіе высказано голословно, то оппонентъ пожелалъ узнать его основанія.

Диспутантъ отвѣчалъ на это, что объ архангелахъ Гавріилѣ и Михаилѣ въ настоящемъ случаѣ онъ высказываетъ лишь свое соображеніе, основанное на томъ, что намъ вообще извѣстно о значеніи и смыслѣ дѣятельности этихъ архангеловъ въ отличіе отъ другихъ.

Оппонентъ указалъ наконецъ въ книгѣ Г. Виноградова нѣсколько нескладныхъ выраженій или ошибокъ, которыя нуждаются въ исправленіи, а именно: на стр. 37, I в. авторъ говоритъ о Христѣ „*коснувшись* своею *Божественною* мыслію представленія объ отношеніи царства небснаго къ отдѣльнымъ личностямъ“ и т. д. О Богѣ такъ говорить нельзя, ибо Онъ всегда и все проникаетъ своею мыслію.— На стр. 18-й 2 в. авторъ говоритъ о немилосердномъ рабѣ, что онъ „схватилъ и душилъ своего должника, говоря: отдай мнѣ долгъ“ и затѣмъ въ скобкахъ прибавляетъ греческое выраженіе, характеризуя его словами: „деликатное заявленіе требованія“. Едва-ли, замѣтилъ оппонентъ, выраженія „схватилъ и душилъ“ гармонируютъ со словами „деликатное заявленіе требованія“.—Нескладнымъ представляется оппоненту выраженіе на 26-й стр. 3 в. что „драхма—это металлъ брагородный“... Блаженнаго Августина авторъ ошибочно относитъ къ 3-му вѣку и т. д.

Въ заключеніе своихъ замѣчаній оппонентъ сдѣлалъ Г. Виноградову упрекъ за недостаточно внимательное отношеніе къ русской богословской литературѣ, касающейся предмета его изслѣдованія. Такое отношеніе выразилось, между прочимъ, въ томъ, что диспутантъ совсѣмъ не обратилъ

вниманія на серьезную полемику между проф. Казанской Дух. Академіи Некрасовымъ и рецензентомъ журнала „Чтенія въ обществѣ любителей дух. Просвѣщенія“ (Август. книжка 1888 г.) по поводу перевода и толкованія 16-го стиха девятой главы Евангелія отъ Маттея и въ частности слова „*οχιμα*“.—Свою бесѣду М. Д. Муретовъ окончилъ заявленіемъ, что книга Г. Виноградова представляетъ собою доброе назидательное чтеніе, согрѣтое теплымъ чувствомъ и дышащее искреннею вѣрой. Онъ пожелалъ диспутанту и впредь не класть своего пера и продолжать работать по излюбленному имъ предмету.

Въ качествѣ частнаго оппонента сдѣлалъ диспутанту еще одно замѣчаніе проф. Г. А. Воскресенскій. Онъ призналъ не правильнымъ принятое г. Виноградовымъ производство слова „притча“ отъ корня „токъ“. По принятымъ въ наукѣ филологическимъ основаніямъ, корнемъ слова „притча“ долженъ быть признанъ древнеслав. *тѣх*, откуда русск. „ткнуть, тыкать“. Отсюда слово „притча“ будетъ значить: „что приткнулось“, „что приключилось“ и что слѣдуетъ изъ этого случая.

Диспутантъ съ своей стороны замѣтилъ, что въ принятомъ имъ производствѣ слова „притча“ онъ былъ не самостоятельнымъ изслѣдователемъ этого филологическаго вопроса, а руководствовался авторитетомъ Преосв. Виссаріона, Еп. Костромскаго.

По окончаніи диспута, ректоръ Академіи Арх. Антоній, собравъ голоса членовъ Совѣта, провозгласилъ, что защита диспутанта признана совѣтомъ удовлетворительною и потому совѣтъ Академіи будетъ ходатайствовать предъ Святейшимъ Синодомъ объ утвержденіи Г. Виноградова въ ученой степени магистра богословія.

В. Соколовъ.
